Рэйвен вернулся в свою комнату, слезы текли по его лицу. Наконец, он выпустил свои чувства наружу. Он почувствовал облегчение, но в то же время боль усилилась. Он заставил еще одного человека страдать из-за него, но рассказать, что он сделал со своей сестрой, вслух, было самым болезненным наказанием, которое он получил за все годы своего наказания. Протащив себя по коридорам, он, наконец, вошел в свою комнату и заперся. Он сидел, прислонившись к двери, и впервые позволил себе по-настоящему заплакать. Странные звуки, которые он никогда раньше не выпускал, чтобы облегчить боль в сердце.

– Прости… – он рыдал. – Мне очень жаль…

Его сестра, должно быть, так плакала одна, в то время как страдала, истекая кровью. Она, должно быть, была такой несчастной и одинокой. Лукреция дала ему представление о том, через что прошла его сестра. Но это было только подобие. Он знал, что в действительности это было гораздо больнее, если кто-то, кто должен был заботится о ней, был причиной этого ужаса.

Рэйвен крепко схватил себя за волосы, стиснул зубы, чтобы остановить звуки, исходящие от него, но не мог. Он плакал до тех пор, пока его тело не перестало содрогаться, пока он даже не мог дышать, он постоянно стонал: «Мне жаль». Что бы решило слово «Извини»? Он не был достоин того, чтобы говорить эти слова. Он чувствовал тошноту и телепортировался наружу, прежде чем его желудок повернулся, но рвоты не было. Его желудок был пуст. Небо грохотало, но дождь всё не начинался. Даже дождь отказался присоединиться к нему в его крике.

Не выдержав боли, он телепортировался в пещеру Лукреции. Он пришел сюда, чтобы умолять о смерти, но вдруг почувствовал, что не заслуживает этого. Он хотел, чтобы она наказала его.

– Лукреция! – Он закричал, но потом поинтересовался, что делает. Почему он беспокоил людей только потому, что ему было больно? Почему он был таким эгоистичным?

Лукреция предстала перед ним, одетая в ночную рубашку. Он нарушил ее сон. Он всегда думал, что женщины не спят, как дьявол. Демоны могли оставаться без пищи в течение очень длительных периодов времени, но сон был необходим. Им не нужно было спать каждую ночь, но, по крайней мере, две или три ночи каждую неделю. Рэйвен просто стоял, глядя на нее, и она смотрела на него суженными глазами.

– Меня нужно наказать, – он задыхался.

– А что плохого ты сделал?

– Ты всё равно любишь наказывать.

Она усмехнулась: «Я люблю наказывать за неправильные поступки, а ты, мой дорогой, сейчасделаешь больше правильного, чем когда-либо. У меня нет желания тебя наказывать». – Она положила руку ему на грудь.

Рэйвен задыхался. Лукреция подошла к нему ближе и снова положила руку на его грудь.

– Это обновление, – сказала она ему, но он не мог успокоиться. Он чувствовал, что тонет, но паника понемногу улеглась.

– Ты добился большого прогресса, и чувства, которые ты подавлял все эти годы, теперь выходят наружу. Какое-то время будет очень больно. Хорошо, что ты плачешь и выпускаешь это наружу.

Рэйвен попытался вдохнуть, но у него болела грудь и спина. Как будто он дышал острыми кинжалами, которые кололи его внутренности. Каждый вздох ощущался как удар ножом.

– Что вы видите во мне, что можно искупить?

Она вздохнула: «Ты можешь погасить эту боль, если искупишь себя. Как ты думаешь, твоя мать хотела, чтобы ты заплатил за свои грехи только для того, чтобы мог умереть в конце, или ты думаешь, что она хотела, чтобы ты изменился? Твоя мать покончила с собой, так что тебе придется заплатить на один грех меньше. Ты собираешься отплатить ей смертью? Или стать тем сыном, каким она хотела тебя видеть?»

– Как ты можешь это сделать? Ты должен уничтожить Демоса. Ни одна часть тебя не должна быть чем-то похожим на Демоса. Как ты думаешь, почему я дала тебе новое имя? Я жду того момента, когда ты полностью станешь Рэйвеном. Я дала тебе имя моего любимого животного. Не разочаровывай меня сейчас.

– Рэйвен?

– Разве у этого имени плохое значение? Да, во́роны являются символом плохого предзнаменования, смерти, тьмы, зла и разрушения. Но они также представляют собой изменения, трансформацию, целительные силы, приспособляемость и бесстрашие. Разве название не подходит? Ты можешь выбрать любую сторону.

Рэйвен чувствовал, что он уже оказался на другой стороне. Казалось, что он умирает медленной и мучительной смертью.

– С тобой все будет в порядке. Иди сейчас домой, – сказала ему Лукреция.

Дом? У него не было дома. Это было просто место, где он прятал свой живой труп.

– У тебя теперь есть дом и жена.

Жена? Вероятно, она отшатнулась от отвращения, как и должна. Лукреция вздохнула.

– Ну, тогда, может быть, тебе стоит поработать над тем, чтобы быть Рэйвеном, так как она испытывает отвращение к Демосу.

– Я собирался использовать ее. Я все тот же, – сказал он.

– Ты тот же? Ты бы женился на какой-нибудь женщине, чтобы вернуть свое лицо? Рэйвен, ты давно перестал заботиться о своем лице.

– Я этого не сделал.

– То, что ты сделал, и то, что ты хотел сделать, отличается. Ты хочешь заботиться о своем лице, но ты этого не делаешь. Сейчас даже больше, чем когда-либо, потому что ты боишься увидеть Демоса в зеркале.

Рэйвен покачал головой в отрицании.

– Ты умнее прошлого Рэйвена, но я понимаю, что ты давно не использовал свой мозг ни для чего, кроме мучений. Но подумай! Кто увечит свое лицо, потому что не хочет быть тем, кем был раньше?

Рэйвен продолжал качать головой. Это не может быть правдой. То, что он подозревал, не могло быть правдой: «Я… Я порчу свое лицо…»

Болезненное дыхание вернулось. Он что-то подозревал, но не хотел в это верить. Если он сам был тем человеком, как он должен был остановить это? Никакие переговоры или период наказания не положили бы конец рубцеванию, потому что он делал это с самим собой, и он не знал, как остановиться.

– Я больше не буду вас беспокоить, – заверил он, а затем телепортировался обратно в свою комнату, где позволил себе упасть на свою кровать. Ему не нужно было ничего узнавать о себе. Рэйвен не знал, как долго он пролежал там, но его слезы высохли, пока он молча тонул в боли, которая давила на его грудь.

Но вот его уши напряглись, пытаясь прислушаться к звукам со стороны Анжелики. Была ли она в порядке? Он думал, что она будет только ненавидеть его и испытывать отвращение, но она также казалась грустной. Может быть, даже испытывала боль. Конечно. Для нее было страшно застрять с ним.

Жестокий убийца. Он женился на ней, обрекая ее на вечность с ним, если ему не удастся покончить с собой. Но даже тогда, что она получит от его смерти? Он закрыл глаза, удивленный тем, что сегодня он думает о многих вещах, которых он обычно избегал. Это объясняло агонию, которую он переживал.

После нескольких часов страданий он встал с постели и решил найти что-нибудь, чтобы облегчить боль. Он искал свой кинжал, но не мог найти его там, где он обычно находился. Он больше не стал утруждать себя поисками. Он хотел найти что-то новое, что-то более болезненное, чтобы навредить себе, поэтому он ударил по зеркалу в своей комнате, заставив его разбиться и упасть осколкам ему под ноги. Его глаза искали зазубренный осколок. Переступая через сломанные куски, не заботясь о том, что они повредят его ноги, он выбрал кусок с самыми грубыми краями. Рэйвен долго смотрел на него, задаваясь вопросом, будет ли это сделано. Он проверил его на руках, но он явно не годился.

Сегодня ему нужно было что-то другое. Что-то гораздо более болезненное.

http://tl.rulate.ru/book/63317/1790052